

УДК 811.161.1'42

А.В. Кардашова

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ДИСКУРСИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ

О.В. Кардашова

МОВНА ОСОБИСТІСТЬ У ДИСКУРСИВНОМУ ВИМІРІ

Статтю присвячено проблемі проявлення мовної особистості у дискурсі. Здійснено спробу визначення конститутивних параметрів дискурсу з опорою на інтеракційну модель комунікації. Проаналізовано такі дискурсивні параметри, як суб'єкти дискурсу, їх взаємини, комунікативні стратегії, які вони реалізують, представлене у дискурсі знання, концептуальний потенціал дискурсу. Здійснено проекцію дискурсивних параметрів, значущих для змістоутворюючої діяльності того, що говорить, на буденний дискурс.

Ключові слова: дискурс, інтеракція, комунікація, мовна особистість, повсякденність, буденний дискурс.

А.В. Кардашова

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ДИСКУРСИВНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Статья посвящена проблеме проявления языковой личности в дискурсе. Предпринята попытка определения конститутивных параметров дискурса с опорой на интеракционную модель коммуникации. Проанализированы такие дискурсивные параметры, как субъекты дискурса, их отношения, реализуемые ими коммуникативные стратегии, представленное в дискурсе знание, концептуальный потенциал дискурса. Осуществлена проекция дискурсивных параметров, значимых для смыслообразующей деятельности говорящего, на обыденный дискурс.

Ключевые слова: дискурс, интеракция, коммуникация, языковая личность, повседневность, обыденный дискурс.

Helena Kardashova

LINGUISTIC IDENTITY IN DISCURSIVE DIMENSION.

The present article is devoted to the problem of linguistic identity in discourse. An attempt to define the constitutive parameters of discourse building on Interactional communication model is performed. Such discursive parameters as subjects of discourse, their relations, communication strategies they implement, knowledge represented in the discourse, conceptual potential of discourse are analyzed. Projection of discursive parameters, relevant to the sense-generated activity of the speaker, into everyday discourse is performed.

Key words: discourse, interaction, communication, linguistic identity, daily routine, everyday discourse.

Актуальность темы определяется ролью личности в современном гуманитарном знании. В социокультурном плане личность предстает как сложная познавательная категория, объединяющая языковую, когнитивный, социальный планы деятельности человека и выступает как личность языковая¹. Вместе с тем расширяется социокультурный фон гуманитарных исследований. Особую значимость в этом случае обретает проблема повседневности, осмысляемая в философском, социологическом и историческом планах. Повседневность рассматривается как особый культурный феномен, который, с одной стороны, включает сферу обыденного, область рутинных явлений и тривиального знания, а с другой – индивидуальный жизненный мир человека. Именно с этой категорией органически связан обыденный дискурс и различные виды его эстетической сублимации. Традиционно обыденный дискурс связывают с разговорной речью и неофициальной сферой общения, но его феномен не исчерпывается этими планами.

Пересечение названных выше проблемных полей позволяет определить задачу исследования как осмысление специфики проявления языковой личности в обыденном дискурсе. Целью настоящей публикации является определение конститутивных параметров дискурса, значимых для языковой личности в той мере, в которой она представлена в дискурсе как коммуникативном событии.

Теоретическим основанием изучения личности в дискурсе стали исследования гуманитарных наук, базирующиеся на представлении о том, что психологическая и социальная реальность является не данной, предконституированной, но формируется во взаимодействии, общении. В трудах Л. С. Выготского, Дж. Г. Мида и их последователей личность осмысляется с позиций ее деятельностной, интерактивной, коммуникативной природы; отдельные ее аспекты представлены как создаваемые и трансформируемые в социальных практиках.

Базовые установки антропологической научной парадигмы связаны с интеракцией, взаимодействием. Важнейшая разновидность интеракции – общение, классической формой которого является диалог, понимаемый не как простой обмен информацией, но как совместная взаимонаправленная смыслообразующая деятельность. В ходе такой деятельности участники диалога создают и воссоздают, «проживают» свои собственные

«Я»; создают образы других; формируют и трансформируют знания, мнения, убеждения, верования, желания, эмоции, мотивы. Для интеракционного описания коммуникации важными оказываются такие понятия, как взаимность, со-участие, со-бытийность, интер-субъективность. Последние обнаруживают сопряженность понятийным категориям, доминирующим в теориях диалога М. Бахтина, М. Бубера, С. Франка и ряда других философов.

Центром социальной интеракции является высказывание, понятое как смыслоразличающий акт: это может быть слово, реплика диалога, художественное произведение, поступок. В интерпретации М. Бахтина, высказывание не существует изолировано: оно отвечает предыдущим высказываниям и стремится вызвать к жизни «ответные высказывания других (или хотя бы молчаливое активно-ответное понимание другого, или, наконец, ответное действие, основанное на таком понимании)» [1, с. 169]. Оно представляет собой «взаимное осуществление» смыслов: автора и адресата, уже известных, создаваемых сейчас и тех, которым только предстоит быть высказанными. Поэтому оно не может быть понято вне его событийности, (интер)субъективности, отношения к другим высказываниям.

Главным предметом обсуждения в интеракции являются личностные смыслы говорящих. Личностный смысл может быть определен как рефлексия, представления о себе и о других, об окружающем мире и своем месте в нем, как модус существования. Имманентными планами личности являются его экзистенции, его социальные роли, идейные позиции, данные в актах самосознания. Все эти акты самосознания как самоидентификации актуализируются, проигрываются в различных дискурсах.

В русской лингвистике существует значительное количество теоретических разработок, посвященных проблеме дискурса. Теория дискурса широко представлена в работах целого ряда исследователей: Н. Д. Арутюновой, В. Г. Борботько, В. И. Карасика, А. А. Кибрика, В. В. Красных, М. Л. Макарова, В. В. Богданова, С. А. Сухих. Однако, несмотря на детальную разработку отдельных аспектов, теория дискурса в целом имеет довольно мозаичный характер. Это обусловлено спецификой существования самого дискурса, его подвижностью, текучестью, неопределенностью, размытостью границ, его двойственной природой (дискурс одновременно и процесс, и результат акта коммуникации). Тем не менее, постановка конкретной исследовательской задачи требует авторизовать тот план дискурса, который в наибольшей мере ей соответствует.

Интересующий нас план в определении дискурса – это акцент на интерактивном, процес-

¹В русской лингвистике понятие языковой личности было предложено В. В. Виноградовым и получило широкую интерпретацию в исследованиях Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина, С.С. Сухих, В.В. Красных, В.П. Нерознака.

суальном, событийном характере использования языка. Принципиально важно и то, что в дискурсе «воплощаются разнообразныe признаки мироощущения, мировоззрения, переживаний и жизненных интенций личности» [4].

Входя в тот или иной дискурс в качестве субъекта, человек получает различные возможности создания личностных смыслов. Например, официальный или научный дискурсы не предоставляют средств для переживания любви к ближнему, но этот опыт получает возможность осуществления в религиозном, поэтическом или обыденном дискурсах. Предположим, что возможности смыслообразования в том или ином дискурсе задаются его конститутивными параметрами, которые позволяют дискурсу разворачиваться, а говорящим – идентифицировать дискурс и принимать решение об участии в нем. Эти параметры должны быть значимы для участвующей в дискурсе языковой личности с точки зрения ее смыслообразующей, самосозидающей деятельности.

Конститутивные параметры дискурса могут быть выведены в его коммуникативном и когнитивном измерениях. Коммуникативную значимость в дискурсе обнаруживают говорящий и адресат, их отношения, мотивы и цели, а когнитивную – формируемое в дискурсе знание. Языковой способ представления коммуникативных и когнитивных составляющих дискурса обусловлен жанрово-стилистическими категориями, разделяющими дискурсивные формации. Трудно не согласиться с О. Г. Ревзиной, что «один набор языковых репрезентантов представлен для субъекта и адресата в научном дискурсе и совершенно иной — в официально-деловом, в равной степени эти дискурсы различаются допустимым объемом информации о субъекте и адресате, и для пользователя дискурса это не только возможность распознавания типа вербального обмена, но и возможность собственного участия в той или иной дискурсивной формации» [3, с. 72]. Представление о том, какие возможности предоставляет человеку тот или иной дискурс, входят в объем его коммуникативной компетенции. Тем самым для говорящего оказывается значимой не только возможность выступать в качестве субъекта определенного дискурса, но и реальная способность к выполнению той или иной дискурсивной роли.

Субъекты дискурса представляют собой конструкты, формирующие позиции для говорящего и адресата. Субъект каждого отдельно взятого дискурса оформлен специфическими способами, обладает особыми характеристиками. Эти характеристики могут быть выделены в поле таких вопросов:

- Как идентифицирует себя говорящий в дискурсе?
- В каких качествах говорящий участвует

в дискурсе?

- Как идеализирован говорящий в дискурсе?

Субъектная позиция позволяет говорящему ответить на вопрос «Кто я такой?», определяет план его существования, выражаемый в стереотипных моделях самоидентификации (человек может участвовать в коммуникации как ученый, как отец, как обыватель). Вместе с тем говорящий выступает как субъект дискурса в наборе определенных качеств. Он может быть участником личностно-ориентированного общения [2, с. 193], которое предполагает полноту характеристик его участников; на первый план в этом типе общения выходит человек в уникальности его жизненной истории. Напротив, субъект статусно-ориентированного общения выступает в ограниченном наборе характеристик (как начальник, как подчиненный, как учитель, как отец), как представитель той или иной социальной группы (неформал, чиновник, студент). В общении такого рода реализуются типические модели взаимодействия.

Понимание позиции адресата как создаваемой в дискурсе требует ответа на следующие вопросы:

- В каком своем качестве говорящему оказывается необходим адресат?

– Насколько осознана говорящим эта необходимость и каким отношением к собеседнику она может быть определена (как к средству достижения своих целей или отношение, характеризующееся насущной потребностью в присутствии другого человека)?

- С каким личностным смыслом говорящий отождествляет адресата? (поговорить по душам, поболтать о пустяках, попросить совета).

– Какие намерения в отношении собеседника реализует говорящий – потребность самовыражения, стремление повлиять на собеседника, получение нового знания?

- Как идеализирован адресат в дискурсе? (как человек или воображаемый персонаж, отдельный человек или множество людей, как Бог или высшая сила). Какова мера его идеализации и что может выступать в качестве подобной меры?

Предполагается, что ответы на эти вопросы позволят конституировать модель субъекта того или иного дискурса.

В качестве конститутивного параметра дискурса мы выделяем коммуникативные стратегии, основывающиеся на разных ценностных установках говорящего по отношению к адресату. Это, прежде всего, прагматически обусловленное отношение к человеку как к вещи, объекту, средству достижения цели. Оно обуславливает неравноправие участников дискурса, необратимость коммуникативных ролей. Это односторонне направленное отношение лежит в основе прямого и непря-

мого воздействия, позиций явного и неявного доминирования, оценки и может быть реализовано в различных типах дискурса: политическом, рекламном, обыденном.

В индифферентном отношении к адресату на первый план выходит самовыражение говорящего. Интеракция, основанная на такой установке, является мнимой. Обмен репликами не является диалогом по сути, так как собеседник нужен лишь для заполнения позиции «адресата». Это происходит, например, в бытовых разговорах, когда люди говорят, «не слыша друг друга»; в смоделированных, театрализованных диалогах, какими являются разнообразные ток-шоу, в том числе и политические. Такое субъектно-адресатное отношение внутренне противоречиво: феноменологически оно не неконфликтно (в силу того, что участники безразличны друг другу), хотя конфликт может лежать в основе разыгрываемой событийности, обуславливая тем самым ее фикциональный характер.

Особый тип общения основывается на диалогических отношениях. Известно, что не всякое взаимодействие представляет собой диалог: он определяется не возможностью смены коммуникативных ролей, не наличием сменяющихся друг друга реплик, а формируемыми новыми смыслами. Диалог реализует такое отношение к адресату, в котором он насущно необходим говорящему как человек с другой позицией. Для того чтобы диалог состоялся, позиции собеседников должны действительно взаимодействовать, находить и удивлять друг друга. В столкновении с позицией Другого собственная мысль говорящего уточняется, усложняется; более того – в диалоге создается новый, значимый для обоих участников общения смысл.

Не менее важным основанием для разграничения различных дискурсивных формаций является их когнитивный потенциал. По определению О. Г. Ревзиной, «назначение дискурса состоит в том, чтобы [...] сделать возможным процессы приобретения, хранения, преобразования, порождения и применения человеком знаний. Дискурсивные формации осуществляют спецификацию разных видов знаний через разное вербальное воплощение» [3, с. 72]. Это позволяет выделять различные типы знания: частное, научное, религиозное, социальное – которые соответствуют различным модусам человеческого существования, формируют различные аспекты «Я»: ««Я» как физическое лицо, имеющее опыт тела, «Я» в духовной устремленности к Творцу, «Я» в составе социума» [3, с. 74].

Знание, создаваемое в дискурсе – это знание человека о себе, о жизни и о своем месте в ней. Рефлексия как порождающая стратегия дискурса может быть одним из его конститутивных

параметров. О жизни и о себе можно говорить по-разному: с позиций обыденных представлений («здорового смысла»), научных установок, философских прозрений, религиозных убеждений. Эти позиции предполагают различные способы осмысления жизненных явлений, вовлеченности в поток событийности или его отчуждения.

Кроме рефлексивной опосредованности, человека выделяет из жизненной стихии опосредованность культурная. В своих реакциях на события жизни человек может либо включаться в систему ценностей и норм, сформированных культурой, либо выпадать в стихию «природности», «первичности», исключая представления о нормах и приличиях.

В качестве конститутивного параметра дискурса можно определить интенции, которые могут быть реализованы в нем. Это сфера мотивов, ценностей, представлений о возможном и должном. Интенции говорящего будут формировать «мир, творимый в дискурсе», реальность, утверждаемую в нем.

Смыслообразующая деятельность человека зависит и от концептуального потенциала дискурса. Этот критерий включает как порождающие, так и интерпретирующие возможности дискурса. Так, например, (транс)формации смыслов в художественном дискурсе стремятся к бесконечности; концептуальный потенциал научного дискурса может быть ограничен рамками научной парадигмы, тогда как институциональный дискурс практически не оставляет возможностей интерпретации. Такой параметр, как предсказуемость хода дискурса, определяет, насколько данный дискурс оказывается гибким, лояльным к новым смыслам, насколько приветствуется в нем вариативность конструктов (например, субъекта) или других составляющих (например, регистра).

Возможности осуществления человеком смыслообразующей деятельности в дискурсе определяются степенью свободы, которую данный дискурс предоставляет. Разные дискурсы обладают разными потенциалами в этом отношении: например, существуют дискурсы, которые легко «впускают» говорящего на свои позиции – это «текст», который может принадлежать любому (таков, к примеру, бытовой разговор). Есть дискурсы «закрытые», требующие от человека эстетического, интеллектуального напряжения. Кроме того, выбор дискурса может осуществляться «в двух направлениях»: не только человек оказывается способным выбирать тот или иной регистр общения, но и сам дискурс может лишать человека такой возможности (возьмем, к примеру, ситуацию, когда чиновнику трудно в общении оставаться просто человеком). Несвобода говорящего может быть обусловлена как внедискурсивными факторами (например, социальными), так и собственно дис-

курсивными. Одной из задач анализа дискурса может стать выявление таких его свойств, которые позволяют осуществлять «текстовое насилие» над говорящим, суггестировать его². Например, рекламный дискурс обладает значительной внушающей силой, поскольку его субъект часто представлен как счастливый и уверенный в себе человек, и потому является привлекательным для отождествления с ним. Кроме того, рекламный дискурс стремится охватить как можно более обширную целевую аудиторию, и потому его «герой» наделен, как правило, самыми общими характеристиками, не оставляющими «точек несовпадения» с адресатом.

В порядке предварительных выводов попробуем спроецировать перечисленные выше параметры на обыденный дискурс. План существования, представленный в обыденном дискурсе, связан с жизнью, данной в ее событийности. Личностный смысл, создаваемый и воссоздаваемый в обыденном дискурсе, – это человек в его частной жизни, предстающей как непрерывный поток во всем многообразии его мыслей, чувств, эмоций, интересов, переживаний. Текучесть и непредсказуемость жизненной стихии отражается в особенностях обыденного диалога, в течении которого нет единства темы, отсутствует смысловая проективность реплик, нарушается логика смены ролей и т.п.

Говорящий в обыденном дискурсе не выделен из этого жизненного потока, и его собеседник воспринимается таким же. Повседневность – это план существования, доступный буквально каждому; на основании этого объединяющего признака адресат в обыденном дискурсе конституируется говорящим как «равный» и «близкий». Это позволяет говорящему реализовать самые разнообразные намерения по отношению к адресату: от самовыражения, манипуляции или прямого устранения позиции собеседника – до стратегий, основанных на диалогической установке, «на максимальной внутренней близости говорящего и адресата речи» [1, с. 190].

Повседневность определяется ситуацией, и обыденный дискурс характеризуют прежде всего «ситуационные выражения». Поэтому особую значимость при исследовании обыденных интеракций приобретают наличие или отсутствие совместного опыта участников общения, квалификации собеседников по признаку «свой-чужой», наличие объединяющих смыслов.

² Например, рекламный дискурс обладает значительной внушающей силой, поскольку его субъект часто представлен как счастливый и уверенный в себе человек, и потому является привлекательным для отождествления с ним. Кроме того, рекламный дискурс стремится охватить как можно более обширную целевую аудиторию, и потому его «герой» наделен, как правило, самыми общими характеристиками, не оставляющими «точек несовпадения» с адресатом.

Практическая направленность повседневной деятельности обуславливает, с одной стороны, конкретность и прагматизм коммуникативных целей, направленных на решение каждодневных проблем, а с другой – характер обыденного знания, которое представляет собой знание определенных способов поведения в той или иной жизненной ситуации. Способность к рефлексии в этом случае связана не столько с категорией причины (почему он так сказал / поступил), сколько с категорией цели (зачем он это говорит / так поступает).

Знание, формируемое в обыденном дискурсе, утверждает посюсторонний статус действительности и установку сознания на принятие ее как данности. Оно ассоциируется с непосредственностью переживания, неотчужденностью от него, до-refлексивностью и создается, прежде всего, на основании телесного, чувственного опыта. Отсюда – высокая реактивность участников этого типа дискурса, обилие стереотипно выражаемых в разговорной речи эмоций, чувств, оценок. Для обыденного сознания значима категория «здравого смысла», подразумевающего, в том числе, логически невыводимые, интуитивно постигаемые положения.

Представленные характеристики не исчерпывают плана повседневности. Повседневность неоднозначна, она всегда открыта другим планам реальности, сосуществует с ними. Связанный с повседневностью обыденный дискурс находится в сложных отношениях с другими дискурсивными форматами. Коммуникативное пространство принципиально неоднородно, оно пронизано разными дискурсами. Точки пересечения дискурсов связаны с напряженными коммуникативными ситуациями. Языковая личность проявляется в способности к дискурсивным переходам, задающим иные способы смыслообразования. Наша дальнейшая задача – определить парадигму дискурсивных переходов из обыденного дискурса в другие форматы и их обратное отношение и выявить возникающие благодаря этим переходам смысловые трансформации. Последние станут основой для комплексной характеристики языковой личности, конструируемой в обыденном дискурсе, и жанровой типологии обыденной дискурсии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин. //Собр. соч. в 7 тт. — М.: Русские словари, 1996. — Т. 5: Работы 1940-1960 гг. — с. 159-206.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемея, 2002. – 477 с.
3. Ревзина О. Г. Структурные параметры дискурса / О.Г. Ревзина // Критика и семиотика.

Вып. 8. Новосибирск, 2005. С. 66—78.

4. Шилков Ю. М. О природе фикционального дискурса / Ю.М. Шилков // Я. (А. Слинин) и МЫ: к 70-летию профессора Ярослава Анатолье-

вича Слинина. — СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2002 (Серия «Мыслители», Выпуск X) / Режим доступа: <http://antropology.ru/texts/shilkov/slinin.html>